

Магги Руфф

ФИЛОСОФИЯ ЭЛЕГАНТНОСТИ

Магги Руфф

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Магги Руфф

Философия элегантности

«Этерна»

Руфф М.

Философия элегантности / М. Руфф — «Этерна», — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

Магги Руфф (наст. имя Магги Безансон де Вагнер) – французская создательница мод, основала в 1929 году успешный Дом моды. Несмотря на обилие фотографий в журналах, издание трех ее книг, биография Магги Руфф была и остается малоизученной. А ведь этот элегантный дизайнер, начавший свою деятельность еще в конце 1920-х годов, смог сохранить успех в столице моды на протяжении более сорока лет. Неоспоримо, что это прекрасный результат в изменчивом мире моды. Магги Руфф откроет в этой книге самые потайные и сокровенные дверцы женской психологии. Проблемы соотношения формы и цвета, возраста женщины и моды, платья и аксессуаров занимают в книге немало страниц, чтение которых доставит читателям истинное наслаждение.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Вместо предисловия	11
Глава I	13
Глава II	29
Глава III	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Магги Руфф

Философия элегантности

© А. А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2012

© Е. А. Макарова, перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Модный приговор от Магги Руфф

Несколько лет назад московское издательство «Этерна» взяло на себя большую и нужную просветительскую миссию. Из года в год на свет Божий выходят потрясающие издания о моде. Это целая серия книг, объединенных одной темой – воспоминания творцов моды, манекенщиц, критиков, дизайнеров. Объединенные единым названием книги в серии *«Mémoires de la mode»* дают русскоязычному читателю – и профессионалу в этой области, и просто любителю – необычайную пищу для размышления. Чего только стоят прекрасные воспоминания Эльзы Скиапарелли, Поля Пуаре, парижских манекенщиц Пралин и Фредди, исследования Анни Латур. Все эти издания десятилетиями были недостижимы как для российских создателей моды, так и для журналистов, пишущих на эту тему, теоретиков и аналитиков моды, философов мира моды.

«Философия и мода?» – удивятся многие. Перед вами первая книга на русском языке, посвященная целиком философии элегантности, которую, кстати, никто не отменял. Изданная в середине XX века в Париже, эта книга шла к русскому читателю более шестидесяти лет. Ее автор – талантливая, но сегодня незаслуженно забытая французская создательница моды Магги Руфф. Она принадлежит к женщинам-творцам того поколения, когда женственность, вкус и элегантность ценились превыше всего.

Магги Руфф была автором трех книг, первая из которых «Что я видела в шифоньерах моих клиентов» была опубликована в 1930-е годы; вторая, что вы держите в руках, – в 1942 году и последняя – «Америка под микроскопом» – уже после войны.

Несмотря на обилие фотографий в журналах, издание трех книг, биография Магги Руфф, настоящее имя Магги Безансон де Вагнер, была и остается малоизученной. А ведь этот элегантный дизайнер, начавший свою деятельность еще в конце 1920-х годов, смог сохранить успех в столице моды на протяжении более сорока лет. Неоспоримо, что это прекрасный результат в изменчивом мире моды.

Мировой экономический кризис провел черту между стилем 1920-х и 1930-х годов, на этом рубеже и родился в Париже Дом моды «Магги Руфф» в 1929 году. Он был основан не на пустом месте. Отец Магги Руфф был директором парижского филиала знаменитого австрийского Дома моды «Дреколь», созданного бароном Кристофом фон Дреколем в Вене в 1894 году. Этот Дом некогда был поставщиком австро-венгерского двора.

В начале прошлого века, в 1902 году, фон Дреколь открыл свой филиал в Париже, сначала на площади Опера, 4, а потом переехал на Елисейские Поля, в дом 136, в 1920-е годы очень престижный адрес. Несмотря на то, что Дом моды «Дреколь» был очень почтенным заведением в эпоху *Belle Époque*, интерес к нему начал падать по окончании Первой мировой войны. Германия разбита, Австро-Венгерская империя лежала в руинах, дома мод с немецкими фамилиями не котировались, а династия Габсбургов уже более не могла давать крупных заказов своему поставщику фон Дреколю. Это вынудило его в 1922 году объединить свой берлинский филиал с престижным немецким Домом моды «Beer», у которого была очень завидная репутация. Однако это дела не поправило. Конкуренты наступали на пятки. Париж преклонялся перед творениями Поля Пуаре, Жана Пату, Люсьена Лелонга, сестер Калло, Молине, Коко Шанель. Новая эпоха диктовала новый силуэт эмансипированной женщины: укороченная длина, простота кроя, геометрические мотивы. Во всем этом Дом «Дреколь», истинный певец женщин *Belle Époque*, чувствовал себя неуверенно и окончательно сошел с арены парижской моды в 1929 году, слившись с другим парижским Домом «Agnes». Все это произошло в момент

финансового краха, когда один за другим закрывались дома моды, сгоревшие в пламени долларового костра, словно мотыльки на керосиновой лампе.

Судя по всему, помещение Дома «Дреколь» сдавалось в аренду, и предприимчивый отец Магги Руфф, эльзасец, прекрасно говоривший по-немецки, снял его у бывшего хозяина Кристофа фон Дреколя. Так открылся Дом моды «*Maddy Rouff*» на Елисейских Полях, 136.

Магги Руфф родилась в 1896 году в Париже. Ее молодость совпала с Первой мировой войной, и, очевидно, напуганная ее ужасами и вестями о раненых в полевых госпиталях, она изначально мечтала посвятить себя медицине и стать хирургом.

И надо сказать, точность и расчет, верность линии и прямой разрез ткани под ее виртуозными ножницами, видимо, стали своего рода олицетворением неосуществленных амбиций на операционном столе. С первого же сезона дела маленького Дома моды пошли в гору и стали набирать обороты. В числе первых клиентов были звезды Голливуда: Тед Барра, Пола Негри и Грета Гарбо. Одной из первых причин успеха, мне видится, было верно выбранное имя Дома. Фамилия *Rouff*, взятая творческим псевдонимом, была уже известной в мире моды. В Париже с 1844 года существовал знаменитый и большой Дом моды «*Rouff*», закрывшийся в 1914-м в связи с началом войны. Дом этот располагался на бульваре Осман, 13, и славился роскошными и помпезными платьями с прекрасной техникой шитья *Haute Couture*. В Доме «*Rouff*» одевались сливки общества, актрисы и аристократки, а главным конкурентом был прославленный Дом «*Worth*». Именно в «*Rouff*» начала свой профессиональный путь мадам Жанна Пакен, чей собственный Дом позже свел с ума полмира. В моей личной коллекции есть несколько моделей старого Дома «*Rouff*» и Дома «*Paquin*», они пользуются неизменным успехом на всех выставках благодаря великолепному крою и качественному шитью. Неудивительно, что в 1929 году имя *Rouff* было еще на слуху, со времени закрытия Дома прошло лишь пятнадцать лет. Вероятно, оно было выставлено на продажу. Так или иначе, Дом моды «*Maddy Rouff*» открылся на базе Дома «*Drecol*» и унаследовал престижное имя *Rouff*.

В мире моды любая преемственность традиции приветствуется. От разорившегося Дома «*Drecol*» наверняка остались манекены и швейные машинки, закроечные столы и примерочные кабины, демонстрационный зал, в котором манекенщицы в 1920-е годы показывали новинки моды по три раза в день для избранных клиентов. Вопрос выбора манекенщиц в 1930-е годы, как, впрочем, и сегодня, был насущным. Около 40 % всех парижских манекенщиц в период между двумя войнами составляли русские беженки-изгнанницы, теперь именуемые эмигрантками первой волны. Во всех больших и малых домах моды работали русские красавицы. Благодаря своей природной красоте, грации, воспитанию, аристократизму, знанию языков и хорошим манерам они полюбили и прижились в этой профессии. И Дом «Магги Руфф» не стал исключением. В один из первых его сезонов манекенщицей-ведущей, то есть ведущей звездой, была приглашена ранее служившая моделью в Доме «Ворт» Женя Горленко, родная сестра другой русской манекенщицы, Галины Романовны Горленко, в замужестве баронессы Дельвиг. Женя была статной, хороша собой, со скуластым славянским лицом во вкусе эпохи и светло-русыми волосами, что полностью соответствовало стандарту 1930-х годов. Ее портреты из моего архива в изобилии украшают эту книгу. Как и многим в эмиграции, Жене пришлось испытать немало. Она работала на заводе у станка в парижском предместье, но в 1927 году по объявлению в газете о наборе манекенщиц русская красавица поступила в маленький Дом «Каролин», а затем перешла в очень престижный Дом «Ворт». С хорошими навыками представления нарядов, фотогеничной внешностью и желанием работать Женя вскоре стала ведущей звездой Дома моды «Магги Руфф». Большинство ее фотографий, как в дневных, так и в вечерних нарядах этого Дома были выполнены в фотоателье «*Dorvinne*» в Париже. Вторая часть личного архива этой прекрасной русской манекенщицы 1930-х годов сейчас хранится в фондах парижского Музея моды, расположенного во дворце Галлиера. Именно через эти фотографии я впервые узнал о существовании Дома Магги Руфф в 1985 году, когда после

публикации первого большого интервью в парижской русской газете «Русская мысль» я дал объявление, что разыскиваю платья русских домов моды в Париже и фотографии манекенщиц. То был лишь предварительный процесс подготовки к написанию моего первого бестселлера «Красота в изгнании». На это объявление в газете откликнулось несколько человек, среди них и баронесса Галина Романовна Дельвиг, жившая в Кормей, парижском пригороде, в небольшом домике рядом с железнодорожной станцией. Она предложила мне приехать и рассказала, что ее сестра была известной манекенщицей и звездой в Доме моды «Магги Руфф». Тогда, в середине 1980-х годов, я уже собирал коллекцию старинных платьев и преподавал историю моды в самой знаменитой и большой парижской школе моды «Эсмод». Но моих знаний явно не хватало. Дом моды «Магги Руфф» был давно закрыт, и я не понимал тогда его значимости и важности. Но, шаг за шагом изучая историю моды, всегда с радостью открываешь для себя новые страницы. Мне удалось не только подружиться с баронессой Дельвиг, но и приобрести у нее платья из гардероба княгини Марии Иллиодоровны Орловой, а также предложить в архив Музея моды дворца Галлиера, через тогдашнего директора Гийома Гарнье, приобрести большую часть фотоархива Дома «Магги Руфф», оставшегося у Галины Романовны от ее сестры, Жени Горленко, ставшей впоследствии французской виконтессой де Кастекс. Зерно было посажено!

Постепенно знакомясь с другими русскими манекенщицами 1930-х годов, в Париже я узнал и баронессу Анастасию Нолькен, элегантную и сухую петербурженку. Она тоже тогда была одной из манекенщиц у Магги Руфф. В те же годы в другом парижском предместье, Монморанси, в Русском доме инвалидов Первой мировой войны жила прекрасная модель, бывшая киевлянка Варвара Раппонет. В 1940-е годы она была звездой в Доме моды Эльзы Скиапарелли, но ей удавалось подрабатывать и на съемках для «Магги Руфф». Так вот, все они в один голос говорили о необыкновенной элегантности коллекций, статной отстраненности хозяйки и большом успехе этого Дома. Большой парадный портрет Магги Руфф в шляпе и муфте из меха леопарда написал известный художник русской эмиграции Сергей Иванов.

Действительно в эпоху 1930–1950-х годов Дом Магги Руфф успешно конкурировал и выгодно отличался от своих современников. А ведь они были очень сильны! С одной стороны, это была Мадлен Вионне, виртуозка кроя по косой. Она создала целое направление в моделировании и конструировании женской одежды, тем самым опередив всех на целое десятилетие. Но с началом Второй мировой войны в 1939 году она была вынуждена закрыть двери своего великолепного Дома. Другая великая создательница моды того периода – мадам Гре, чье настоящее имя было Алис Бартон, а творческий псевдоним представлял собой перевертыш имени ее русского мужа, художника Сержа (Serge) Четверткова. Она была очарована античной скульптурой и создавала свои творения из драпированных тканей наподобие великолепных мраморных изваяний античности. Огромный успех в те годы переживала Эльза Скиапарелли, мастер цвета и невероятных сюрреалистических идей в моде, сумевшая так виртуозно объединить искусство Сальвадора Дали и женскую одежду. Кстати, книга воспоминаний великой Эльзы Скиапарелли «Моя шокирующая жизнь» уже опубликована в издательстве «Этерна».

Не следует забывать, что в 1930-е годы еще открыт и Дом Коко Шанель, ее выдержанный и элегантный стиль тоже привлекал клиентуру до закрытия в 1940 году. Упоительными коллекциями Жанны Ланвен также восхищались современники, конкуренцию составляли и Дома моды «Нина Риччи», «Огюстабернар», «Арданс».

Но параллельно с этим «женским хором» все мощнее выступали талантливые мужчины – создатели моды. Не следует забывать о гении объемного построения силуэта, испанце Кристобале Баленсиаге, чье появление в Париже в 1937 году произвело настоящий фурор. Тут и «Мэйнбохер», этот великолепный Дом моды был основан в Париже Майном Руссо Бохером и имел огромную популярность в течение 1930–1939 годов. Виртуозные творения создавал элегантный Дом «Люсьен Лелонг», хозяин которого с 1937 по 1947 год был женат на прекрасной

русской княжне Натали Палей, урожденной Романовой. Он занимал пост президента Синдиката Высокой моды Франции. Великолепный Дом «Робер Пиге» существовал в Париже с 1920 по 1951 год. Бывший ассистент Поля Пуаре, он сформировал таких прославленных кутюрье, как Кристиан Диор, Пьер Бальмен, Юбер де Живанши, Антонио де Кастилло и Марк Боан. Список далеко не полный, но дающий представление, в каком «цветнике» великих творцов моды Магги Руфф сохранила не только свою индивидуальность, аромат и характер, но и приобрела заслуженную славу.

Книга «Философия элегантности» была опубликована в трудное время. Париж был оккупирован немцами, и многие дома моды были закрыты. Многие, но не все! Вероятнее всего, знание немецкого языка и эльзасское происхождение Магги Вагнер де Безансон помогли ей, и она смогла опубликовать эту великолепную книгу в 1942 году, ни разу в тексте не упомянув Германию и оккупацию Парижа, но поведав о красоте древнего русского костюма и расшитых жемчугом кокошников! Мода и политика всегда стояли рядом, но в военное время быть на страже элегантности и хорошего вкуса, но при этом сохранять нейтралитет, поистине виртуозно!

Магги Руфф откроет в этой книге самые потайные и сокровенные дверцы женской психологии. Проблемы соотношения формы и цвета, возраста женщины и моды, платья и аксессуаров занимают в книге немало страниц, чтение которых доставит читателям истинное наслаждение. Магги Руфф дипломатично ни разу не коснется стиля ни одного из современных ей дизайнеров, не произнесет ни одного имени. Но если мыслить образно и читать между строк, можно заметить, как она критически прошла по головным уборам эксцентричной Эльзы Скиапарелли или «скучным» платьям от Шанель. С виртуозным знанием дела автор дает обобщенный портрет творца моды – вечного «нарцисса», самовлюбленного и эгоистичного короля в стране наперстков, часто сомневающегося и постоянно радующего нас новыми творениями. Магги Руфф была заядлой путешественницей. Обширные знания многих стран, традиций других континентов позволили ей по-разному посмотреть на пропорции женской фигуры, ее типологические особенности, тем самым обогатив книгу важным фактологическим контекстом. Большая любительница истории, знаток античности, она часто цитирует факты из древней истории, проводя аналогии с современным миром.

Особый интерес представляют уникальные станицы, посвященные геммологии, науке о драгоценных камнях. Размышления Магги Руфф о ювелирных украшениях и правилах их ношения очень актуальны и сегодня. Глава о парфюмерии, я уверен, никого не оставит равнодушным. Автор многих известных в свое время духов, Магги Руфф пишет о мире ароматов самозабвенно и творчески, окутывая читателей прекрасной дымкой забытых запахов и любимых некогда духов. Современный читатель часто обеспокоен проблемой цветотипа. Действительно, понять, к какому типу относится кожа женщины, окрас ее волос, цвет глаз, бывает порой затруднительно. В «Философии элегантности» вы найдете не только исчерпывающую информацию, но и замечательные полезные советы. Манера одеваться у многих схожа с манерой жить. Вот почему искусство носить платье, двигаться в нем, держать спину, умение сидеть на стуле, подниматься с него и искусство производить впечатление никогда не потеряет своей актуальности. Как бы ни была далека сейчас та эпоха, основные постулаты женской элегантности ценны, свежи и необходимы для штудирования именно сегодня, когда в нашей стране население состоит приблизительно из 55 % женщин против 45 % мужчин. С точки зрения мудрых и верных советов, книга Магги Руфф – просто кладезь изречений, мыслей и крылатых фраз мира моды, которые наверняка понравятся всем.

В 1948 году Магги Руфф уйдет на пенсию и переедет в Канны, а ее дочь Франсуаза, в замужестве виконтесса д'Анкур, станет новым директором Дома «Магги Руфф» и пригласит на работу двух талантливых модельеров Мишеля Малярда и Ги Дувье. Но стиль сильно изменится в сторону «большей буржуазности», как пишет об этом Доме историк моды Мэри Водуае.

В эти годы их клиентками становятся королевы и принцессы, актрисы и богатейшая буржуазия. Например, роскошные балльные платья от Магги Руфф были у принцессы Грейс Монакской и у принцессы Фавзии Египетской...

Самым трудным моментом жизни Дома «Магги Руфф» были революционные 1960-е годы, век мини и космоса. Дела постепенно шли на спад, и сама хозяйка скончалась 7 августа 1971 года, оставив после себя замечательный шлейф элегантных платьев и духов. Ближе познакомиться с философией этой прекрасной создательницы моды поможет вам сегодня эта книга.

*Александр Васильев,
Москва – Париж – Довиль, 2012*

*Посвящаю эту книгу той,
чей прекрасный облик храню в тайнике моего сердца,
той, которая была для меня источником знаний, примером,
подругой.*

Вместо предисловия

Баллада о моде

Квазимодо! Бей скорей в колокол...
От союза Фантазии с Арлекином
Ранним утром родилась Мода.
Каждый рождается со своей судьбой!

В честь Моды и ее песни
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Возможно, что, сильно обидевшись,
Она наденет на вас платье причастницы
Или же обрядит в костюм вакханки!
Она может – кто знает! – быть непредсказуемой и
очаровательной.

В честь Моды и ее прихоти
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Женщины будут без ума от ее гипербол,
А мужчины восторгаться ее кульбитами.
Мудрый вам скажет, что она глупа,
А глупый, что она – некий символ.

В честь Моды и ее жаргона
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Здесь никто не знает, где начинается
Истина и слабоумие
И где кончается непоследовательность.
Она – вечный эксперимент.

В честь Моды и ее уроков
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

О! Занимательная философия!
Мудрость и трагикомедия!
Для тех, для кого сражаться
До победного конца – вот стратегия.

В честь Моды и ее волшебной палочки
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

От смерти к алфавиту
Пробежало множество блуждающих огней,
И... открывается больше, чем простая дверь
В театр Гиньоль!¹

В честь Моды и ее иллюзий
Динь-динь-дон!
Слушайте же этот звон.

Посвящение

О ты, которая всегда старается
Увидеть тебя другой, не замечая, какая ты есть на самом деле!
Бабочка! Тебе следует знать, что
Мода – это обманчивое зеркало,
В котором каждый видит себя... надеющимся!

¹ «Гран-Гиньоль» – парижский театр ужасов, работал в квартале Пигаль (1897–1963), его имя стало нарицательным обозначением «вульгарно-аморального пиршества для глаз». Но деятельность этого маленького монмартрского театра, слывшего достопримечательностью французской столицы, привлекала равно простых обывателей и представителей художественного авангарда и оказала большое влияние на культуру и искусство XX века. – *Здесь и далее прим. ред.*

Глава I

Вопрос к зеркалу

Ева, гуляя в саду Эдема, склонилась над зеркальной поверхностью ручья, задумчиво разглядывая первый листок, и размышляла: «Интересно, хорошо ли я с ним выгляжу?»

* * *

В Феспии Нарцисс, увидев свое отражение в ручье, ослепленный красотой и опьяненный совершенством явившегося ему видения, умер от законченности и непостижимости этого образа. И каждую весну он рождается вновь, он повсюду, где растут нарциссы и текут ручьи...

* * *

Еще дальше, гораздо дальше Агадира², на опасной и тяжелой, теряющейся в песках дороге, ведущей к югу, к Дакару³, стоит Тарудант⁴. Иссушенный великий город Тарудант. Он окружен зубчатыми стенами, на которые из поднебесья слетают меланхоличные аисты. Дыхание этого города лениво, как текущая в нем вязко-тягучая арабская жизнь, порой и вовсе замирающая на месте.

Там, в знойный день, когда лучи солнца, пронзая решетку ограды базарной площади, рисовали на всем шахматную черно-белую клетку, я увидела нищенку, бродяжку. Она сидела на корточках, прислонившись к белой стене, ее ноги были в дорожной пыли, вокруг нее витали терпкие запахи юга, а в кроваво-красной ладони, от втираний хны, она держала осколок зеркала. Всем своим существом, отрешившись от внешнего мира, замкнувшись в своих мыслях и ощущениях, женщина целиком отдалась созерцанию нескольких сантиметров розового или зеленого платка, что отражались в том осколке, зажатом в ее кулаке...

* * *

От Евы к Нарциссу, от Нарцисса до той бедной женщины, на протяжении всех веков тек этот поток. Во всех странах света, на всех землях, холодных или жарких, мягких или суровых, цветущих или пустынных, все женщины всегда искали свое отражение в зеркалах.

В зеркалах, переливающихся муаровым светом, темных и глубоких; в зеркалах водной глади; в зеркальной поверхности тяжеловесной и звонкой бронзы; в дорогих зеркалах из золота и серебра; в холодных зеркалах из стали; в хрупких и говорящих только правду зеркалах самой Венеры! В зеркалах волшебных, обладающих по ночам колдовской силой, – в такое зеркало рассмеялась Маргарита, когда увидела, насколько она красива! В зеркалах пылающих, они могли бы сжечь целый корабль! В разбитых зеркалах, которые приносят несчастье; в старых, выцветших зеркалах, уставших столько лет говорить правду! В зеркалах сверкающих, все преобразующих; в зеркалах миниатюрных или огромных; в зеркалах угрожающих или успокаивающих, любящих или ненавидящих. Зеркала рассеивали надежды или опасения, дарили радость изумления или горечь разочарования, подтверждали победу или поражение, вы черпаете в них

² Город на юго-западе Марокко.

³ Столица Сенегала.

⁴ Один из старейших городов Марокко, известный еще с XI в.

силы на какие-то действия или на борьбу, вы настойчиво ищите опровержений или иллюзий, хоть ненадолго приносящих облегчение. Именно с помощью зеркала вы делаете убийственные открытия: обнаруживаете первую морщинку, которую вовсе не ожидали увидеть, седой волос в еще полной сил пряди, закрывающей висок, глубокую складку у рта, не оставляющую никаких надежд.

Надежда, боязнь – вот два полюса великой драмы, вот вечный, состоящий из двух половинок, вопрос женщины к зеркалу.

Этот женский инстинкт, что он ищет на протяжении всех времен? Что ищет он во всех мирах? О чем вопрошает он искусство? Чего требует от науки, служащей человечеству? Чего он хочет, когда на ощупь, наугад пробирается вперед? Эта бесконечная, неустанная погоня, кажется, существовала во все времена и не имеет ни начала, ни конца. Какова же ее цель? Тревога, жажда, потребность, откуда они? Эта мощная энергия создает империи и народы, эта сила становится то созидателем, то разрушителем, это неудержимое брожение. Все это – вечное стремление к Красоте.

* * *

За три тысячи лет до Рождества Христова побережье Крита уже славилось женщинами, чью элегантность, раз увидев, невозможно было забыть. Можно сказать, что вся духовность Греции уцелела благодаря драпировкам одежд; история Египта была передана в одной тяжелой золотой диадеме; бессмертный Ренессанс продолжает блистать в одном лоскутке ткани, написанной кистью Веронезе⁵; величие французских королей упрочивалось и прославлялось в бархате, который носили французские королевы. Во всех веках за все это надо благодарить женщин!

Их страсть украшать себя спасла все эпохи от унылой безликости, а мир – от однообразия. Именно они не позволили одной цивилизации быть похожей на другую, одному веку быть неотличимым от предыдущего или последующего, одной стране стать точной копией другой.

Женщины отмечали для истории конкретное время и место какого-либо события.

Повинуясь прихоти женской элегантности, века хранят в себе нестираемые отличительные знаки. Женщины ко всему прикладывали свою руку, они всегда были разными, всегда изменчивыми. От хижин до замков, от будуаров до парламентов, от балльных залов до эшафотов, от городов до деревень – им принадлежал любой уголок земли. Без них все было бы не таким, как есть на самом деле. Они неразрывно связаны с происходящим, женские призраки витают над всем, что мы видим.

Несравненный гений Марселя Пруста на нескольких страницах, исполненных ностальгии, вспомнил о них:

«Мог ли бы я передать волнение, охватившее меня зимним утром, когда я, встретив шедшую пешком госпожу Сван в мантию из норки, в простенькой шапочке с двумя ножеобразными перьями куропатки, ощущал, тем не менее, комнатное тепло, каким от нее веяло только благодаря смятому букетику фиалок у нее на груди, живое, голубое цветение которых на фоне серого неба, в морозном воздухе, среди голых деревьев, обладало тою же чудесною особенностью – воспринимать пору и погоду только как рамку и жить в человеческой атмосфере, в атмосфере этой женщины, – тою же особенностью, что и цветы в вазах и жардиньерах ее гостиной, возле топившегося камина, у дивана, обитого шелком, смотревшие в окно на метель?.. Природа снова воцарялась в лесу, и мысль, что это – Елисейский сад, в котором хозяйка – женщина, испарялась. Серело настоящее небо над искусственной мельницей, ветер гнал мелкую рябь по

⁵ В е р о н е з е, Паоло (наст. имя Паоло Кальери) (1528–1588) – один из виднейших живописцев венецианской школы позднего Возрождения.

Большому озеру, как по любому озеру. Большие птицы быстро пролетали по Булонскому лесу, как по любому лесу, и с громкими криками, одна за другой, садились на кряжистые дубы, друидические кроны и додонское величие коих словно оповещали о безлюдье утратившего свое назначение леса и помогали мне яснее понять бесплодность моих попыток отыскать в окружающей действительности картины, написанные памятью, ибо им всегда будет не хватать очарования, которое они заимствуют у памяти, и они будут недоступны для чувственного восприятия. Того мира, который я знал, больше не существовало. Если бы госпожа Сван появилась здесь хотя бы чуть-чуть не такой, какою она была, и в другое время, то изменилась бы и Аллея. Места, которые мы когда-то знали, принадлежат не нам, а только всеобщему пространству, в котором мы располагаем их, как нам удобнее. Они всего лишь тонкий слой связанных между собой впечатлений, из которых складывалось наше прошедшее; воспоминание о некоем образе есть лишь сожаление о некоем миге. Дома, дороги, аллеи столь же – увы! – недолговечны, как и года»⁶.

«...Если бы госпожа Сван появилась здесь хотя бы чуть-чуть не такой, какою она была, и в другое время, то изменилась бы и Аллея...»

Да, женщины оставляют для нас отметки и во времени, и в пространстве. И время, и пространство они делают похожими на себя, на тех, какими рисует их наше воображение, кого воскрешает наша память. На женщинах лежит ответственность за окружающую атмосферу, за эпохи и пейзажи. Целиком в их власти изменить наши прошедшие дни или дни настоящие – стоит только измениться им самим.

⁶ Перевод Н. М. Любимова по изданию *Марсель Пруст. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану.* – Прим. пер.

Магги Руфф, 1929

* * *

Иногда, устав от затянувшегося периода бездействия, я испытываю внезапную и непреодолимую потребность окунуться в незнакомый, чуждый мне мир. Это меня зовут поезда с их своеобразным запахом, дороги с их пылью и грязью, лица, которых я еще не встречала, неведомые пути. Это хорошо знакомая скука и неизведанное желание. И тогда, если я не могу по каким-то причинам уехать, начинаю выдумывать способ обмануть саму себя. Превозмогая рутину, делающую меня слепой и глухой ко всему, я пытаюсь смотреть и слушать девятью чувствами. Я требую, чтобы они подарили мне незнакомый Париж, тот Париж, какой я, искушенная путешественница, могла бы увидеть, оказавшись в нем впервые.

Ночью, в темной комнате, лежа в кровати с закрытыми глазами, я чутко прислушиваюсь к шуму, доносящемуся извне, и делаю так всегда, во всех гостиницах мира. У каждого города свой неповторимый голос. Воздух пронизывают звуки, то легкие, то резкие. Они могут быть пронзительными или чуть слышными. По степени их чистоты или приглушенности можно

судить о том, тепло ли за окном или все окутано туманом, ночь звездная или облачная, на улицах оживленно или вся жизнь уже замерла. Нужно долго слушать эти звуки, чтобы побольше узнать об их таинственной жизни. До тех пор пока вы замечаете эти звуки, в этой стране вы – иностранец. Как только они для вас замолкнут, значит, вы привыкли, акклиматизировались. Существуют еще особые звуки живой комнаты, везде разные. Деревянные полы и мебель нигде не скрипят одинаково, вода в батареях журчит тоже везде по-разному, водопроводный кран, когда его закрываешь или открываешь, сипит по-своему.

Снова услышать все это – значит вернуться в ту незабываемую первую ночь в незнакомом городе и почувствовать сладкое замирание сердца от ощущения беспокойства, рожденного ночным одиночеством.

Днем я брожу по улицам, раздумываю, по какой из них пойти, какие покупки сделать. Я ищу в витринах сувениры, какие я могла бы привезти друзьям, чтобы они пришили им по душе и донесли очарование Парижа. Я делаю удивительные открытия: конфеты, мне незнакомые, цветочные лавки, в которых никогда не бывала, продавцы сумок, я раз двадцать проходила мимо них, даже не заметив.

Чтобы узнать, который час, я смотрю на заброшенные куранты на площади Мадлен, спрашиваю дорогу у полицейского только для того, чтобы с удовольствием услышать его объяснения, всегда сумбурные, вводящие в заблуждение. После них в совершенно незнакомом городе вы пускаетесь в путь наугад и в самый неподходящий момент понимаете, что заблудились.

Но самое главное, да, самое главное, я дышу полной грудью почти пронзительным запахом, поскольку никогда не чувствовала ничего подобного – я стараюсь надышаться воздухом Парижа именно того времени года, когда я оказываюсь в этом городе.

Весенним днем зайти в пять часов пополудни в отель «Ритц» – это значит увидеть воочию и почувствовать всем сердцем само дыхание этого города. Обманчивое тепло веет с залитых солнцем стеклянных витрин, ослепительно сверкающих ювелирными украшениями; от розовых гортензий, распускающихся повсюду; от свежих булочек, проплывающих на подносах разносчиков; от неясного гула сотен женских голосов, звяканья чашек, опускаемых на блюдца; от глухих барабанных ударов то и дело закрывающихся дверей; автомобильных гудков, доносящихся с Вандомской площади.

Иногда звучание этого органа замирало, словно обрывалось дыхание, когда входила какая-нибудь эффектная женщина.

Парижское кафе, 1930

И на какую-то секунду застывали обращенные в ее сторону лица, и хотя глаза из всех сил старались сохранить безразличное выражение, все равно загорались любопытством, стаканы и ложки замирали на половине пути, подрагивали спички в пальцах, с кончика сигареты срывался столбик пепла – прошла женщина!

На фоне окна, в контражуре, четко вырисовывается профиль маркизы де П., ее шляпа смело сдвинута таким образом, что ясно видна чистая линия лба. Чуть улыбающиеся глаза с вежливой рассеянностью скользят по залу, но тем не менее подмечают буквально все. Мадам М.-де-Г., сидящая в противоположном углу, прячет свое личико матового оттенка в меховую накидку, и возле ее щек бьются, как два маленьких сердца, серьги из белого жемчуга. Возле нее, в шляпке последнего фасона от Ребу⁷, расположилась мадам де Р., а серо-голубая тушь на ресницах выгодно оттеняет неповторимый цвет ее глаз.

⁷ Р е б у, Каролина (1837–1927) – французская шляпница, в 1865 г. открыла свой первый магазин в Париже, позднее в Лондоне, и на протяжении пятидесяти лет ей не было равных в профессии.

Модница в шляпе и боа, ок. 1905 года

Мадам Р.Ф., которая всегда на виду и вокруг которой всегда оживление, сверкает перьями и металлическим колье, вплетенными в прическу, согласно последнему писку моды этого сезона. Мадам М. входит так стремительно, что создается впечатление, будто она заскочила на минутку и собирается идти дальше по своим делам. Она щедро рассыпает приветствия, кому – кивком головы, кому – рукопожатием, кому – словесно. Плиссированная юбка вальсирует вокруг ее стройных ног, воздух приходит в движение и вибрирует вокруг фигурки, на головке гордо красуется шляпка, историю покупки которой за двадцать два с половиной франка в Галери Лафайет она пересказывает с очаровательным чувством юмора.

Парижская мода, 1916

В огромном кресле устроилась мадам Д., очень маленького роста и прямой спиной, с прической из тысячи мелких седых булелей, она смотрит строго, растянув губы в улыбку.

Мадам А., высокая, тоненькая, хрупкая, носит одежду самого строгого покроя в этом году, что подчеркивает ее худобу. Мадам П. Ж., вместе со своей всепоглощающей молодостью впускает в зал легкий ветерок, который играет ее золотисто-каштановыми локонами, не желающими скрываться под шляпкой. Она не желает носить ничего, что сковывает, ограничивает и плотно облегает фигуру. Она вся – размах, движение, свобода, полет в пространстве.

Парижское кафе, начало XX века. Из коллекции Е. В. Лаврентьевой

Возле камина мадам де М. в необъятном манто, которое непостижимым образом выдерживает ее хрупкая фигурка, пересказывает собравшимся подробности предстоящего светского раута по случаю какого-то праздника. Мадам Ц., чуть наклонив голову вперед, слегка закрыв подбородком ожерелье черного жемчуга, с озабоченным видом провожала глазами только что вошедшую баронессу де Л., пытаясь угадать имя ее портного.

Баронесса де Р., выбрав такое место в уголке зала, что ее почти не было видно, курила с задумчивым видом и грацией, которая любому ее движению придавала необыкновенную поэзию. Она останавливала на ком-нибудь свой вдумчивый меланхоличный взгляд и тут же отводила его прочь. Совершенство ее одежды несколько скрадывалось, поскольку все затмевала ее необыкновенная грация.

Модная прическа, Париж, 1912

Проходят минуты... неповторимые, бесценные... Повторятся ли когда-нибудь мгновения, хоть немного похожие на эти? Ответ целиком зависит от этих женщин. Одна за другой они плавно встают со своих мест и не спеша, чтобы не разрушить резким движением гармонию момента, направляются к выходу, и след их тут же растворяется в пространстве, как полет

птиц. Вместо них, согласно строгому закону непрекращающейся заменяемости, придут другие, и уже никогда не будет таких же весенних дней в точно таком же отеле «Ритц».

Улица де ла Пэ, главная улица парижской моды, 1900

И я тоже встаю и медленно выхожу на улицу, ненадолго задерживаясь на тротуаре. С улицы де ла Пэ до меня доносится молодой смех и шум быстрых ног, бегущих в модные ателье, находящиеся на этой улице. Любопытно понаблюдать за этим оживлением, за этой прелестной толчеей. Через секунду я уже рассматриваю с десяток шляпок последних фасонов, модных сумочек, маленький воротничок, который произвел настоящий фурор, и пояс, выбившийся в фавориты.

Элегантная молодежь оценивает парижские витрины, собирает лучшие образцы наступающих сезонов, как будто специально для того, чтобы продемонстрировать их нам. А мы, дабы спасти их от забвения и быстрой смерти, давали этим периодам названия: *Сезон больших дамских сумочек*, или *Сезон низких каблучков*, или *Сезон фиалок*, *Сезон роз* или *Сезон тюрбанов*, *Сезон болеро*.

У неба – нежный фиолетовый оттенок, а в воздухе, в его особой прозрачности растворено множество звуков. Серый цвет каменных зданий, обрамляющих площадь Согласия (де ля Конкорд), обретает свой голос с наступлением вечера, который медленно, словно нехотя, спускается на город. И вот уже лошади Марли, погружаясь в темноту, все больше походят на фантастических существ. Тогда я медленно иду по ласковой каштановой аллее к Елисейским Полям. Кукольный театр закрыт. С этим местом связаны ностальгические воспоминания раннего детства всех парижан.

На Елисейских Полях движение такое плотное, что иногда машины останавливаются, не имея возможности ехать дальше, и тогда в одной или в другой из них мне на минуту становится видно лицо сидящей внутри женщины, лицо, которое освещает полумрак салона автомобиля. Там они чувствуют себя как дома. Они снимают со своего лица маску, предназначенную для внешнего мира, ту безличную маску, которую каждая выбирает по своему вкусу, чтобы предъявить ее свету. Лица в полутьме автомобилей – их настоящие лица. Иногда они улыба-

ются своим воспоминаниям, иногда выглядят очень усталыми, с закрытыми глазами, иногда на лицах читается беспокойство, видимо, вернулись мысли, которые были вынуждены отогнать на несколько часов, иногда они раздражены, иногда торжествуют. Одна женщина рассеянно пудрится или курит, другая приблизила лицо к оконному стеклу, третья лениво откинулась на подушки. Они доверились одиночеству, как объятиям верного друга. Машины удаляются, увозя своих пассажиров в неизвестном мне направлении, в таинственные неизвестные дома, и улица без них мне кажется опустевшей и обедневшей. Вернувшись к себе, я еще некоторое время стою на балконе под открытым небом.

Париж, начало XX века. Из коллекции Е. В. Лаврентьевой

С высоты я в последний раз смотрю на Елисейские Поля. Улица течет подо мной, как широкая могучая река, выплескиваясь из прозрачной, будто хрустальной Триумфальной арки, затем, скрываясь в зелени сада Тюильри и, наконец, сужаясь в перспективе, вонзается в каменное подножие далекого Нотр-Дам.

Парижанка в автомобиле, 1932

То здесь, то там, в темном океане улиц и домов, вспыхивают ярким светом мерцающие огни. Эйфелева башня проткнула и разорвала надвое облако, проплывавшее над бледной, как лицо в темноте, церкви Сакре-Кёр. Гулками толчками пульсирует сердце города. Воздух насыщен самыми разными, никак не сочетающимися друг с другом запахами, запоздалые ласточки вскрикивают и ныряют в надвигающуюся ночь.

Небо и Сена смотрятся друг в друга, повторяясь в своих отражениях и волшебным образом увеличивая мерцание огней, которые в воде сияют изумрудным, а в небе рубиновым цветом.

Нотр-Дам, Париж, начало XX века. Из коллекции Е. В. Лаврентьевой

Эйфелева башня, Париж, начало XX века. Из коллекции Е. В. Лаврентьевой

Дважды отраженный в воде и в небе, величественный Париж как будто постоянно вопрошает всех женщин во всех уголках света, он словно бы спрашивает пространство и время, он задает ВОПРОС ОТ ИМЕНИ ЗЕРКАЛА.

Глава II

Характеры и характеры

Характер! У этого слова необычное звучание. От Х до Р, а потом от К до Р оно перекачивается гремучим шершавым камушком. Оно угловатое, раздражающее, агрессивное, взрывное. Оно – петушиный гребень и дремлющий вулкан, грозящий и многоликий. С ним надо обращаться с большой осторожностью и предупредительностью. Оно скрежещет, как металл, разбивается со звоном, как стекло, гулко ударяет, как колокол, рокошет, как камнепад. Оно жестко и обнажено, и я приближаюсь к нему с опаской. Свыкнуться с этим словом означает жить в его непосредственной близости, стать с ним на «ты», а в случае необходимости обращаться с ним без излишних церемоний, что кажется мне весьма бесцеремонным и маловероятным.

С благоговейным восхищением смотрю я на толстую книгу, на ее обложке написано простое заглавие, да, вот так просто и написано – «Жан Ла Брюйер⁸. Характеры». Я преклоняюсь перед человеком, взявшим на себя смелость стать автором очерков о человеческих характерах. Мысленно я рисую портрет этого Ла Брюйера, повелителя Характеров, который силой своего гения, интуиции и проницательности сумел одержать над ними верх.

Что же касается меня, то я предпочитаю уклониться от этого занятия и предпочла бы вообще никогда не касаться этого колючего, как еж, слова, если бы оно не было ключом ко всему. Без него ничего невозможно объяснить, а манера одеваться – это ни больше ни меньше как успех, как жизнь, как любовь, как чувство красоты, как... как...

Одеваться, не проявляя при этом своего характера, – это значит быть не нагим. А быть не нагим – это не значит быть одетым.

«У каждого свой характер». Эту истину провозгласил Ла Палис⁹, а не Ла Брюйер.

Кто из нас не говорил: «У меня такой характер», «Это в моем характере»? Здесь возможны любые падежи. Или, немного фамильярничая, будто заигрывая с ним: «Мой характер».

И кто не строил добровольных иллюзий на его счет? Кто с горячностью не убеждал себя, что на самом-то деле его характер совершенно другой, не такой, каким он кажется? Трусливые считают себя храбрецами; застенчивые полагают, что в них достаточно дерзости; сорящие деньгами направо и налево гордятся своим умением экономить, а скупердья убеждены в своем великодушии. Занудам кажется, что они оригинальны и остроумны, робким и нерешительным – что они полны энергии. И так буквально все... или почти все играют друг с другом, постоянно пытаясь жюльничать.

Но в игре в элегантность мошенничество невозможно. Оно тотчас же замечается и воспринимается как грубое нарушение правил. Здесь любая мелочь выдает себя.

Чтобы хорошо одеваться, в первую очередь нужно хорошо знать себя. А к чему приведет отрицание собственных недостатков? Они станут еще более заметными. Не признаваться в них самому себе – это значит ничего не делать, чтобы скрыть их от других.

⁸ Ла Брюйер, Жан Пьер Жозеф де (1772–1813) – французский дивизионный генерал с 1809 г., выдающийся военачальник.

⁹ Жак де Ла Палис (умер в 1525 г.) – французский маршал, маркиз, вошел в историю благодаря своей любви к произнесению непреложных истин, граничащих с абсурдностью. Например: «За 10 минут до смерти он был еще жив».

Модель из первой коллекции Магги Руфф, 1929

Если считать себя полной, хотя на самом деле толстая; полагать, что ты худая, а в действительности – тощая; миниатюрная, а не коротконогая; высокая, а не чрезмерно рослая, ни к чему хорошему это не приведет. Можно назвать желтый цвет лица смуглостью, тяжелую поступь – спортивной походкой, сослаться на гибкость, чтобы оправдать сутулую спину, или находить особый шик в тусклых волосах – все это обман. Знать или, скорее, признавать свои недостатки – вот первая и главная необходимость. Замаскировать или же использовать их для своей выгоды – особое искусство. Но любое искусство требует здравого рассудка, часто смелости, внимательного изучения предмета и строгой самокритики. Нужно уметь смотреться в

зеркало, погружаться в него целиком, как в обжигающую воду горькой правды. В него надо смотреть, как в глаза врага, без жалости и со злобой. Надо тщательно выискивать любое несовершенство и с корнем вырывать его из своего сознания. В зеркало надо смотреть взглядом первого встречного и хладнокровно оценивать отраженную в нем незнакомку. Только тогда зеркальный образ выдаст своему живому двойнику все секреты. Только тогда между этими двумя женщинами установится многообещающая интимная связь, которая объединит их и приведет к победе.

В основе любой элегантности лежит именно это абсолютное взаимопонимание. У кого не хватит смелости пойти на это, никогда не войдет в святая святых Храма элегантности. Дверь в него низкая, и миновать ее можно лишь смиренно согнувшись, а другого входа нет, даже для первой красавицы. Ничто здесь не поможет, ни деньги, ни хитрость. Смошенничавшую вначале ошибка эта будет преследовать всю жизнь, слепая так и останется слепой, пугливая никогда не превратится в бабочку. Лгать своему отражению – это предавать все самое лучшее в себе.

Летняя коллекция Магги Руфф, 1929

Отважна та женщина, которая увидит, потому что хотела видеть, свой желаемый образ. Кто в упорной борьбе отстоит знание о себе самой, той будут по плечу и другие победы. Такая женщина не будет избегать мыслей о возрасте, внушающих страх, и перестанет с унынием наблюдать, как ее красота исчезает, словно песок сквозь пальцы. Она сознательно откажется от любых уворток, обмана, иллюзий, поблажек себе, пойдет по жизни с чистой и легкой грацией.

Все их триумфы – это логическое завершение выдержанных сражений, а победы – их заслуженные награды. А изумленные зрители и не подозревают ни о жестокости сражений, ни о цене доставшихся наград.

Но это только внешняя сторона, физическое проявление характера, который невозможно понять, это всего лишь зыбкое отражение, подтверждающее или опровергающее другой... настоящий характер.

Существуют несколько видов характеров.

Есть *легкий характер* – дружелюбный, мягкий и общительный. Есть *характер* ясный, четкий, простой и верный.

И, наконец, существует *непростой характер* – значительный, драматический или героический.

В природе, как и в науке о морали, каждый отстаивает свое место в той или иной классификационной категории.

«У меня есть характер. Это закаляет мой характер. В этом выражается мой характер» – эти фразы соотносятся с каждой категорией.

Если так редко и с таким трудом удастся узнать физическое проявление своего характера, приспособиться к нему, научиться жить, не жульничая и не вступая с ним в сделку, то насколько сложнее и реже случается близко познакомиться с самим характером. Чтобы составить представление об одном, достаточно иметь зеркало и немного откровенности. Но вот другой! Где увидеть его отражение? Что может раскрыть его секреты? Достанет ли нам прямодушия, хватит ли доброжелательства, чтобы сказать ему: «Вот вы какой на самом деле!» – и оказать ему сердечный прием? Как, проявив такт, признаться себе, что не так-то он красив, и не попытаться приукрасить его? Как признать, что мой характер проигрывает своему соседу, но не считает его себе равным? Как заглянуть вглубь, на самое дно самой себя, и не попытаться солгать? Как не спрятать, замаскировать, исказить?..

Но, спросите вы меня, о чем идет речь? О чем разговор, о морали, философии или об элегантности? Почему все так перемешано? Потому что здесь все так тесно сплетено и взаимосвязано. *Характер и элегантность неразторжимо связаны.*

Если представления о целых цивилизациях во всем их величии или упадке, во всей их помпезности или глубоко скрытых тайнах, складываются у нас во многом благодаря истории костюма, то почему бы каждому мужчине, а в особенности каждой женщине, не выразить себя в искусстве одеваться?

Да, нас выдают платья и шляпы, которые мы носим, все, к чему мы притрагиваемся и во что одеваемся. Ну, а кто умеет видеть, то своей одеждой, своим образом жизни они, в какой-то степени, оставляют информацию и о них самих. Они говорят во всеуслышание о своем внутреннем «я», о своих вкусах и моральных принципах, о своей энергии или апатичности, о профессии, укладе жизни, о своей смелости и правде. Таким образом, дамский наряд – это не пустое явление, он говорит о многом. Элегантность же проявляется гораздо реже, чем она того заслуживает. Чтобы появиться на людях, ей необходимо спрятаться внутрь и быть невидимой... вначале. Чтобы воплотиться в ткани, она должна быть душой и телом... вначале. Чтобы стать подлинной элегантностью, она должна отражать только правду, подниматься наружу из глубины. Благодаря божественному превращению, происходящему с ней на этом пути, элегантность влияет и на душу, возвышая и укрепляя ее, заставляя отказаться от борьбы с естественным ходом вещей, которая противоречит ее духу.

Русская манекенщица Людмила Федосеева в дневном платье от Мэгги Руфф, 1936

В течение последних лет я много раз убеждалась в правдивости этого убеждения. Оставаясь верной идее, что внешний облик человека – отражение его духовного мира, я часто страдала от того, что в основном этот облик оставляли на произвол судьбы, во власти всеобщего закона материи. И я смутно подозревала, что внешность человека была лишь слабым, рассеянным отражением его внутреннего содержания.

Я знакома со многими художниками, учеными, даже с гениальными, которым никогда не приходила в голову мысль об элегантности. Извините за банальность, но исключение подтверждает правило. Эти избранные существа имеют такую власть над природой, что совершенно не нуждаются в выражении своей индивидуальности, которая настолько сильна, что впитывает в себя все и все пожирает. Они пребывают только в самих себе, в лучшем из миров. Все обходят их стороной, их не интересует ничего из побочного, второстепенного, у них собственные рамки приличий и представление об окружающем. Они объясняются без условных знаков, их речь, правда, иногда излишне прямолинейна, не нуждается ни в какой интерпретации.

Но что считается истиной для единичных избранных, не подходит для большинства.

А я говорю именно об этом большинстве. Именно оно в последние годы глубоко тревожит меня.

Ужиная после театральных постановок в ресторане, я обводила взглядом зал. Я видела только человеческие фигуры, полулежащие в креслах, локти,двигающиеся по скатертям между графинами, бокалами и пятнами. То и дело на глаза попадаются плохо причесанные волосы, спортивные кеды и туфли без каблучков. То здесь, то там я натыкаюсь на цветастые рубашки, мягкие воротники, бесформенные карманы, неаккуратно остриженные ногти, вытянувшуюся ткань на костюме, вяло жующие рты. Бесхарактерность тел и одежд сливается в беспокоящее меня единство. Недремлющий внутренний голос мне твердит: «Неужели это – отражение их души? И может ли образ так отличаться от действительности? Могут ли сами вещи лгать до такой степени? А может ли внутренний мир оставаться чистым, пылающим, динамичным и вместе с тем принять такое обличье? Безалаберность в одежде, может ли она скрывать благородство души? Сила и храбрость, могут ли они прятаться под этой маской, и зачем?»

Увы! Я достаточно много прочла и видела. У меня имелись все основания для сомнений и опасений. Не один раз великий закон проявлял себя. Не один раз бессилие эпохи выдавало себя. Не один раз внешний облик человека кричал во всеуслышание о той правде, которой он поклоняется. *Не один раз суждение по одежке оказывалось верным.*

* * *

Чтобы проиллюстрировать свои мысли, мне захотелось нарисовать несколько портретов. Мой карандаш попробует сделать это как можно точнее.

Кларисса нерешительна. Она усложняет свою жизнь всевозможными *если, но и поскольку*. Она мечется между желанием и раскаянием. Необходимость действовать ее ужасает, девушка всячески избегает и увильивает от этого, но, чтобы заработать себе на жизнь, вынуждена идти на компромисс. У нее нет предпочтений, так как она отказывается от них прежде, чем какое-нибудь из них успеет принять форму. Кларисса не может решиться ни на одно, ни на другое. Ее изнуряют противоречивые мысли, она дискутирует сама с собой, приводит всевозможные аргументы, пытается убедить себя, но никогда не может. Стоит ей

направиться в одну сторону, как она разворачивается и идет в другую. Несчастливая никогда не решится что-нибудь взять из боязни упустить лучшее. Ее гложет сомнение, она постоянно в плену тревог, страхов и смятений. Ее жизнь – вопросительный знак. У каждого она спрашивает его мнение: «Вы полагаете, что?.. Вы не думаете, что?..» – но из-за своей нерешительности не знает, какому совету последовать.

Магги Руфф. Рисунок П. Эриа из альбома «Тридцать кутюрье парижской моды» для журнала *Vogue*

В жизни всегда надо что-то выбирать, но она снова и снова отступает и уходит в сторону. И так до конца жизни она не решается жить.

Когда Кларисса покупает платье, ее выбор растягивается на часы, дни и недели. Она одна в состоянии измотать и лишить терпения целую армию продавщиц.

Девушка хочет костюм, но все-таки платье ей идет больше, а пальто, как ей кажется, делает ее невыразительной, но ей так необходимо вечернее платье! Она спрашивает всех, умоляет дать совет, объясняет причины своего замешательства.

Шелк слишком холодный, от шерсти у нее раздражение, голубой цвет ей к лицу, но она никогда еще не пробовала носить красное. Черный очень практичен, а белый такой милый! Большие шляпы смотрятся великолепно, зато маленькие – какой шик! Ах! Если бы эти маленькие шляпки шли бы ей так же, как большие!

И какое счастье, если можно было бы надеть на левую ногу туфлю на низком каблучке, а на правую – лодочку на высокой шпильке!..

Стоит только Клариссе одеться в темное, как ее тут же начинает привлекать светлая одежда. Если она выбирает цветастое платье, то всеми силами старается приглушить его краски.

И если вдруг в ее душе поднимется волна храбрости, она отгонит ее, пока никто не заметил. Все, что она носит, – хаотично и беспорядочно, без стремления к законченности и выразительности. У нее никогда нет одежды, предназначенной только для лета, точно так же она никогда не покупает вещи, чтобы носить зимой. И такой манере одеваться девушка не изменяет ни в какое время суток, ни в какое время года, ни под влиянием настроения. Она хотела бы следовать моде, но боится: настолько силен в ней страх показаться смешной. Ей хотелось бы выявить свою индивидуальность, но она приходит в ужас от мысли, что ее заметят.

Кларисса – это всего лишь серая мышка.

Друзья Альберты дожидаются ее прихода, чтобы проверить точность своих часов. Она – *пунктуальная дама*. Ее невозможно уличить в ошибке, она никому не прощает даже минутного опоздания. Жизнь напоминает отлаженный ход часов, ее горизонт – это хронометр. Для нее и минуты счастья, и другие минуты всегда состоят из шестидесяти секунд.

Но Альберта не только пунктуальна, она еще и скрупулезна. Все события в жизни, точно так же, как и окружающие ее предметы, имеют строго определенное место. От винных погребков до богемных мансард, от рождения до смерти, все классифицировано, пронумеровано и учтено. От нее ничто не ускользнет, ни далекое воспоминание, ни тайное намерение. Девушка точно записывает время своего посещения зубного врача... другие визиты и никогда их не перепутает.

Ее жизнь – это строгое расписание.

Вот Альберта у своего портного. Из сумочки, в которой царит идеальный порядок, она извлекает записную книжку, где аккуратно записано все. Она заранее знает цвет необходимой ткани, куда будет ходить в этом платье, час и день, когда его наденет. Сделав заказ, она даже не хочет примерить какое-нибудь другое платье, никакая фантазия кутюрье не находит у нее отклика.

Бросив в последний раз взгляд в свой список и убедившись, что она ничего не забыла и все заказала правильно, а заодно и справившись о времени, Альберта поднимается и уходит.

На примерке платья она проверяет каждую складку, каждую строчку, каждую выточку, обметку по краю, каждый зацеп. Зануда проверит, как работает каждый крючок, крепко ли защелкивается каждая кнопка, и открывает-закрывает застежку-молнию. Она проверяет, ровно ли пришиты пуговицы, и очень волнуется по поводу структуры ткани, поскольку опасается, что та будет мяться или пылиться.

Альберта готова к выходу. Ее волосы симметрично расчесаны на прямой пробор и убраны под аккуратно надетую шляпку. На платье невозможно заметить ни складочки, ни морщинки, ее перчатки гладко натянуты, подол платья подшит строго перпендикулярно длине юбки, молния сумочки закрыта до упора. Место, куда она прикрепляет брошь, на каждом ее платье выверено до миллиметра, а воротничок блузки всегда одинаково выглядывает из-под жакета.

Летние платья девушка начинает надевать строго с 1 апреля, а зимние – с 1 октября. Альберта само небо учит пунктуальности, точно знает продолжительность ношения траура по умершему любой степени родства, а также как следует одеваться при любой ситуации. Фантазии и неожиданностям нет места в ее жизни. Точно так, как можно предвидеть ее появление, посмотрев на часы, можно угадать, как она будет одета в такой-то час и такое-то время года, и никогда не ошибешься.

Сабина – конформистка. В ее речи без конца проскальзывают выражения «так принято делать, так принято говорить, это принято носить». Когда загадочное «принято», которое управляет всей ее жизнью, объявляет остановку, никакая сила в мире не способна сдвинуть Сабину с места. Ее существо целиком и полностью подчинено служению этому неведомому богу. На его алтарь она слагает свои вкусы и предпочтения, благополучие и комфорт, мнения и суждения.

Она запрещает себе иметь какое-либо личное мнение, расценивая его как ересь. Девушка стоически борется со своими пристрастиями, как если они были бы пороками, клеймит любое свое стремление, в ее жизни существует только героическая борьба, требующая самоотречения. Но зато какое она испытывает торжество, когда вечером может сказать себе: «Я делаю то, что принято; я говорю то, что принято; я ношу то, что принято».

В этом жанре Сабина достигла виртуозного мастерства. Она всегда возьмет читать ту книгу, какую одобрит общественное мнение, – другие ее не интересуют. Она посмотрит только те спектакль или фильм, которые одобрило общественное мнение, – к другим она отнесется с презрительным равнодушием. Ее точка зрения на что бы то ни было ничем не отличается от общепринятой, равно как и интерьер ее дома. Ее стремление состоит не в том, чтобы дом понравился или произвел впечатление уютного жилища, а в том, чтобы его можно было бы включить в таинственную категорию вещей, устроенных как надо.

Она терпеть не может гольф, но усердно играет в него. Ей не нравится поздно есть, но она никогда не ужинает раньше десяти часов вечера. Она любит романы, но читает рассказы и очерки, она обожает белых шпицев, но завела черного пуделя. Сабина живет чужим мнением.

Зайдя в ателье к своему портному, Сабина первым делом задает вопрос: «Что теперь носят? Какое платье пользуется наибольшим спросом?» – но никогда не прибавит к этому: «А как вы думаете, мне оно подойдет?» Если платье окажется зеленого цвета, Сабина, верная своим принципам, наденет его – и бог знает, подойдет ли оно к цвету ее лица? Носят облегчающие юбки? Она выйдет в облегчающей юбке, и не важно, что это ее полнит!

Длина платьев становится все короче и короче – прекрасно! Тем хуже, ее ноги лучше бы прикрыть.

Сабину часто видят без шляпы, хотя от сильного ветра у нее ужасная невралгия, яркое солнце причиняет массу неудобств, а волосы становятся слабыми.

Она носит тяжелые туфли на платформе, в которых едва поднимает ногу, а сумка огромных размеров так оттягивает руку, что немеют суставы.

Плохо или хорошо одета Сабина – в этом виновата изменчивая мода, или время. Бывает, что в течение полугода она – само очарование, как вдруг все находят, что выглядит девушка ужасно. Если одежда, которую она носит, случайно совпадает с ее типом, то наступает счастливый период. Если же нынешний гардероб ей не к лицу, она совершенно спокойно готова выглядеть смешно и нелепо.

С ней можно быть давно знакомым, но узнать при следующей встрече невозможно. Она выражает не себя саму, а быстротечное мгновение. Сабина – случайное соединение законов и декретов, мгновенно распадающаяся смесь только что появившихся и уже ушедших веяний. После нее остается зрительный образ, но никаких воспоминаний. Достаточно одного взгляда, чтобы догадаться, что она – рабыня и мученица, трясущаяся от страха, жертва тирании великого «Так принято».

Модели Магги Руфф, 1929

Лучик света проник сквозь ставни. Клод взмахнула ресницами. Ей нужно чуть-чуть повернуть голову на подушке, чтобы увидеть будильник. Какая усталость! Она проспала всего лишь одиннадцать часов, и сейчас десять часов утра. Клод перебирает в памяти все дела, которые ждут ее сегодня. Некоторыми из них заняться необходимо, точно так же, как поесть и одеться... Но другие!.. А что, если другие она быстренько отложит? На завтра, например? Эта идея ей нравится, и Клод, испытывая облегчение, улыбающаяся и розовая, засыпает снова.

Позже она просыпается, но не встает с кровати. Она еще полежит немножко... Совсем немножко... Своим утренним туалетом Клод занимается медленно, и вдруг утро исчезло, и никто не знает, как и куда оно улетучилось.

Свободное время у Клод пропадает зря. Ей хотелось бы сделать и то, и это, но она всегда и повсюду опаздывает. Если нужно ехать куда-нибудь утренним поездом, она за две недели уже переживает эту неизбежность. Если ее просят выполнить чье-то поручение, она тут же от него отказывается... пусть его выполнят другие или вообще не выполняют. Со своими детьми она поговорит завтра, сделает что-то по дому послезавтра, займется собой на будущей неделе.

Она бойко говорит только о будущем времени.

Любая работа наводит на нее скуку, любое усилие приводит в изнеможение, всякие досадные проблемы подстерегают на каждом шагу. Часы утекают, как песок сквозь пальцы, время, не проживаемое ею из-за праздности, проваливается в пропасть. Пустота дней равнозначна ничтожности забот. Мертвые недели складываются в мертвые годы, и жизнь проходит мимо ленивой и пассивной Клод.

Если вы где-нибудь встретите Клод, то на ней непременно будут платье или шляпка, которые носили в прошлом или позапрошлом году. Она обязательно расхвалит вашу шляпку или платье, приобретенные недавно, и плачущим голосом спросит: «Как вы находите время ходить по магазинам?» Она совершенно не может выкроить время сходить в парикмахерскую, и, глядя на нее, вы понимаете, что и сегодня ей не хватило времени даже для того, чтобы причесаться. Без сомнения, этим же объясняются и ее вытертая сумка, и стоптанные каблуки. Чтобы пришить пуговицы к блузке, ей, видимо, нужно огромное количество времени, так как их всегда ровно половина. Шейный платок никак не сочетается с костюмом, к тому же, по всей вероятности, она его уже не раз надевала. Взглянуть на себя в зеркало сегодня утром было свыше ее сил. Вот уже три дня, как она собирается выбросить эти перчатки, но так и не сделала этого, свой зонтик забыла у подруги, но так и не нашла время зайти забрать его, а еще она вдруг вспомнила, что забыла надеть украшения – они так и остались на туалетном столике.

Клод вся распадается на фрагменты, производит впечатление незаконченности. Забывчивость и небрежность, поселившиеся в ней, борются за свое первенство. Она строит планы на будущее, но, как показывает прошлое, она – лентяйка.

Когда Ирен входит в комнату, приподняв плечи, вытянув шею, слегка вздернув подбородок и расширив глаза, кажется, что она удивлена, хотя ничего особенного вокруг не происходит. Однако, если бы при ее появлении внезапно раздался гром среди ясного неба, потолок разверзся бы над головой или окутало бы облако пыли, ничто бы ее не удивило. Такое впечатление, что ступени в парадном ведут не в ее квартиру, а к императорскому трону. Ирен оказывает честь любой лестнице, по которой ей доводится пройти. Она невысокого роста, но тем не менее снисходительно опускает глаза на то, что ее заинтересовало. Ее «Я, мне...» раскалывают тишину, как острый нос корабля ледяные просторы, и заставляют вздрагивать, как резкие звуки корабельных склянок.

Интерес к ее особе невозможно сравнить с ее равнодушием к другим людям.

Ее усталость, ее удовольствие, ее желание, все, над чем царит ее «Я», – все уникально и имеет вселенскую ценность. Первоисточник мира, Ирен сообщает свою значимость всему, до

чего бы ни дотронулась: *Ее* муж, *Ее* дети, *Ее* семья, *Ее* друзья... Однако, удаляясь от нее, эти объекты теряют свою важность, как затихающее эхо.

Она не уверена, что обладает всеми достоинствами, но точно знает, что их намного больше, чем недостатков.

Ирен не беспокоится по поводу своей красоты, т. к. никогда не сравнивала свою внешность с чьей-нибудь еще.

Она не снисходит до того, чтобы обсуждать свои мнения, потому что это *Ее* точка зрения, а если она чего-то и не знает, это недостойно внимания.

Иерархия Ирен проста и строга: Она... а потом все остальные. Ирен не по себе от мысли, что мода существует не для нее одной. Она ей платит тем же – не замечает ее. Она считает себя достаточно сильной, чтобы дать отпор это упрянице, а значит, победить.

Поэтому порой Ирен то забегает вперед, то отстает от того, что носят в данное время, утверждая, что нынешняя мода забавна или ужасна, в зависимости от того, благосклонна или нет к ней эта вечная капризница.

Всегда находится что-то, что искажает пропорции выдуманного облика. Инициалы на сумочке всегда несколько больше обычного размера. «Почему?» – спросите ее, и она ответит: «Чтобы сразу было понятно, что она – моя». Ее воротники всегда выше. Ее украшения всегда больше, как будто она говорит: «Я могу себе это позволить». Одежда ее довольно естественна, но цвета несколько крикливы. Она может быть очень элегантно или выглядеть строго и просто, однако сочтет за оскорбление, если ее появление останется незамеченным. Понятие «ошибка» ей не знакомо, поскольку, совершая их, она уверена в своей правоте.

Она – уверенность и гарантия, к ней нельзя притронуться. Земля, по которой она ходит, – это пьедестал, а небо, воздух и вся жизнь – подношения ей.

Корина всегда недовольна ни мужем, ни детьми. Она хочет именно того, чего получить в данный момент не может, но ей это необходимо по той причине, что у других – уже есть. После того как она увидела у Сабины украшения с рубинами, свои изумруды ее уже не радуют. А квартира Мартины – о такой она давно мечтала. И она ни за что не успокоится, пока не будет иметь такую же машину, какая у Флоранс. Корина приходит в волнение, узнав, что ее друзья отправились в путешествие, а в ресторане столики ее приятелей всегда расположены удачнее, чем ее. Цветы, преподнесенные ее подругам, намного красивее, чем получила она, а их друзья – гораздо приятнее, их мужья – несравнимо внимательнее, их дети – не в пример послушнее, а их жизнь – более проста.

У Корины все, что касается других, всегда отмечено знаком *больше*. А ее собственное – знаком *мнее*. Если бы ей принадлежала вся Земля, она подозревала бы кого-нибудь в обладании Солнцем, и это вызывало бы досаду.

Завистница не знает ни передышки, ни отдыха в изнуряющей погоне за тем, чем обладают другие. Свои счастье и радости она лишь пригубливает и замечает лишь краем глаза, настолько убеждена, что у ее соседки все намного лучше. Имея все, Корина не имеет лишь власти над самой собой. Не замечая своего богатства, она живет нищенкой. Разбрасывая куски хлеба со своего стола, она живет тем, что подбирает крохи выпрашиваемой ею милостыни.

Каким-то порывом ветра Корину занесло в ателье, к своей портнихе. Ей непременно и срочно нужно восхитительное маленькое платье... как вы его назвали? Ах, ну конечно, «*Весенний бриз*»... которое она только что видела на Сабине. «А еще, мадам Сюзанна, что вам заказала моя подруга Мартина? А Флоранс?... Это тоже очень мило».

Заказать одно платье так, чтобы в нем совместились три, – проблема! Она слышала, что Алина заказывала какую-то особую, комбинированную модель.

– Можно на нее взглянуть?

– Нет, платье уже упаковано.

- В самом деле, неудобно об этом просить, но сделайте одолжение, распакуйте, мне хотелось бы его примерить.
- Видимо, вы говорите о том платье, которое идет ей больше всего.

Вечернее платье от Магги Руфф, 1930

– Мадам Сюзанна, вы, случайно, не знаете, откуда у Флоранс новая шляпка? А у кого заказывала туфли Мартина? Ах, большое вам спасибо, я сейчас запишу.

Корина заносит в свою записную книжку еще один адрес. Ну, а теперь ей нужно купить такие же духи, как у Сесиль, и узнать, откуда у Мари-Анжель такая меховая накидка.

Корина всегда появляется с недовольной гримасой. Никто не знает настоящего цвета ее волос: она то блондинка, то брюнетка, то рыжая, да и цвет лица – то бледный, то загорелый, в зависимости от того, кому она подражает, Клер или Диане.

Костюмы для скачек от Магги Руфф, 1931

Она – рекламный проспект всего, что носят ее подруги, она – зеркало, в котором отражаются все, кроме одного-единственного образа – ее самой.

В этом причудливом смешении, в котором она находит удовольствие, нет ничего от нее и ничего о ней. Корина живет взаймы и одевается за счет украденных идей.

* * *

Ох уж эти глупышки и красотки Клод, Ирен, Клариссы, Сабины, Корины, да и вы все, плывущие по воле времени и всевозможных мнений! Если однажды утром, взглянув в зеркало – о, Клод! о, Флоранс! о, Ирен! о, Кларисса! – вы сможете на крошечное мгновение заметить в нем незнакомку, не отворачивайтесь, а внимательно рассмотрите, и тогда на протяжении всей жизни вы будете самыми красивыми, год от года становясь все красивее!

О, Флоранс! О, Клод! О, Ирен! – милые призраки, скользящие в потоке времени, вы могли бы идти по жизни с грацией или неловкостью, данной вам природой, относясь к ним так, словно они – цветы в нежном букете, составленном из всех времен года вашей жизни!

Розовое меховое манто от Магги Руфф, 1931

О, Клод! О, Ирен! Красота и молодость – это не напрасные дары, старость и безобразность – вот чем нельзя воспользоваться.

«УМЕТЬ И ХОТЕТЬ» – волшебные слова, уникальные фильтры, простая древняя мудрость, корень мандрагоры, редкий эликсир, благотворно действующее лекарство, горькая пилюля, спасительный нектар...

**Рисунок Магги Руфф, 1932. Публикуется впервые. Из коллекции
А. Васильева**

О, Клод! О, Ирен! Наливайте, наливайте его... и выпьем!

Манто от Магги Руфф, 1929

Цветные платья от Магги Руфф, 1930

Вечернее платье от Магги Руфф, 1932

Дневное платье от Магги Руфф, 1932

Русская манекенщица виконтесса Женя де Кастекс, урожд. Горленко, в платье от Магги Руфф, 1934

Русская манекенщица виконтесса Женья де Кастекс, урожд. Горленко, в вечернем платье из атласа от Магги Руфф, 1935

Русская манекенщица Женя де Кастекс, урожд. Горленко, в демисезонном костюме от Магги Руфф, 1935

Ансамбль от Магги Руфф, 1936

Глава III

Вкус

Я всегда с улыбкой вспоминаю свои школьные годы и ту забавную манеру, с какой мы бросались познавать все новое. В течение долгих недель первых лет в школе мы с восторгом и до мельчайших подробностей учили историю дома Меровингов¹⁰, и могу признаться, что ничто не утаилось от наших любопытных глаз. Междоусобицы между Хильпериком и Хильдериком, соперничество между Фредегондой, Клотильдой и Брунгильдой, интриги между Хлотарем, Хлодомиром и Хильдербертом – все это мы выучили в самых мельчайших подробностях. В течение нескольких лет мы жили только ими, одной жизнью, почти породнились. Но у нас было смутное ощущение, что крещение Кловиса¹¹ – это праздник семейный и приглашением на него мы не сможем воспользоваться, так как будем помехой. Нас глубоко волновали убийства из ревности, которыми богата история Меровингов. Мы не знали, чью сторону принять, и внутренне желали, чтобы все само как-нибудь образовалось. Ведь как неприятно, когда в семье происходят такие вещи! В конце учебного года учителя вдруг открыли нам, что история Франции на этом периоде не заканчивается, и мы с большим сожалением расстались с этой династией. Впрочем, грусть наша была не слишком глубока, поскольку жила надежда, что следующей весной мы встретимся с ней вновь. Мы бегло просматривали описания войн, с большими препятствиями продирались сквозь другие царствования, отбрасывали от себя все революции, расталкивали государственные перевороты и стремились вырваться на простор, за пределы такой Истории.

Как тонущие цепляются за спасательный круг, так и мы искали то здесь, то там основную идею, за что могли бы ухватиться и сделать своим поводырем. Но нам редко это удавалось, и мы вновь теряли только что пойманную нить Ариадны, которая должна была указать нам верный путь в этом лабиринте Истории.

Когда, наконец, июльское солнце послало свой верный луч закрыть наши уставшие, зачитанные до дыр учебники, изнуренные до головокружения ученики пристали к другому берегу. Перед нами открылась современная эпоха. Мы оказались в бурном море жизни, то тут, то там выбрасывающем на поверхность быстро сменяющихся министров, и окончательно утонули в нем... С Кловисом, как ни крути, было гораздо спокойнее!

Через много лет, когда я спросила у своих дочерей, что из курса истории им нравится больше всего, я получила однозначный ответ: «О Кловисе». Тогда я поняла, что ничего не изменилось.

Я надеюсь, что и в будущем, от своих внуков тоже услышу: «О Кловисе»... Впрочем, дух противоречия может разрушить старую привычку, и это будет весьма неприятно.

Географию же мы воспринимали только как перечень разных названий, не вызывающих никаких эмоций. Таким образом, наш ум был полностью свободен, чтобы заменять одно другим, и ничто нам не препятствовало в этом. В полном отсутствии знаний в области географии виновата та скука, которую наводил на нас этот предмет, и горячее желание поскорее выкинуть из головы неинтересные сведения.

Нам никогда не говорили о резкости и мягкости ветров, дующих под небесами, никогда не призывали нарисовать воображаемую картину зеленых холмов, по склонам которых, в лож-

¹⁰ Первая династия французских королей в истории Франции. Короли этой династии правили с конца V до середины VIII в. на территории современной Франции и Бельгии.

¹¹ В 497 или 498 г. (точно не установлено) король франков Кловис под влиянием королевы Клотильды, которая уже была христианкой, принял христианское крещение от епископа Реймса. Это событие в дальнейшем будет считаться одним из актов образования королевства Франции.

бинах, текут быстрые прохладные ручьи, никогда не просили вдохнуть воображаемый запах леса и солнца. Нам никогда не рассказывали, что иногда города кажутся в лучах закатного солнца голубыми или розовыми. Ничего мы не слышали и о цветах, растущих в далеких прериях, не имели понятия, где человеческий голос звучит приглушенно, а где разливается певучим эхом. Вся необъятность нашей планеты и тайны ее земель сжались для нас в несколько строчек черного шрифта, набранного на белой бумаге.

А литература! Люди и книги. Между ними очень мало живой связи. Откуда приходит вдохновение, каким образом были задуманы книги? Молчание в ответ. Мы знали, что какие-то писатели принадлежали к одной группе, к одной школе или же были сами по себе, а другие творили в каком-то определенном жанре или их творчество считалось особым событием для литературы. Но откуда это бралось, почему и как? Никто нам этого не объяснял.

Еще нам преподавали историю искусства. Нам говорили: «Эта картина – великое произведение, тот скульптор – великий скульптор, этот художник – гениальный мастер. Вот это и вот то – шедевры, а вот то и то – нет». И нам ничего не оставалось делать, как тоже так считать, соглашаться и верить. Мы прилежно посещали музеи, но иногда я с грустью думала: почему перед некоторыми произведениями искусства, которыми меня учили восхищаться, как и после некоторых книг, пользующихся непререкаемым авторитетом, я испытывала робкое стеснение. Часто, проходя по выставочным залам и тревожась из-за отсутствия воодушевления от увиденного, я пыталась искусственно подогреть интерес, правда всегда безрезультатно.

Однако этот эмоциональный всплеск, который я тщетно в себе искала, вдруг неожиданно поднимался во мне и радостно и свободно устремлялся вперед, увлекая к прекрасному образцу китайской мебели XVIII века или к витрине, где краем глаза я заметила превосходное украшение из драгоценных камней.

И однажды я поняла. Одно-единственное слово все мне прояснило – мои тревогу, разочарования, внезапное счастье, внутреннюю склонность, сомнения и потребности. Одно слово, которое никто и никогда не произносил в школьных классах, одно очень короткое слово, его умалчивали, не замечали, у него не было значения, его считали бесполезным и второсортным, это чудесное, могущественное, оживляющее, дарящее радость и исполненное надежд, настоящее французское слово «ВКУС».

Никогда детям во Франции не объясняли, что такое вкус. Они не учили ни его законов, ни правил. Им не давали пригубить этот таинственный эликсир, не говорили о тех радостях, которые он может принести. Во всех школах не нашлось ни одного учителя, кто хотя бы на один урок отвлекся бы от несчастного Кловиса и поговорил со своими учениками о Вкусе.

Ах, как бы я хотела, чтобы этот отверженный и так часто всеми гонимый обрел наконец свое настоящее место и свое глубокое и исчерпывающее определение!

Искусство – это одна область, а Вкус – совершенно другая. Когда они встречаются, тогда рождается шедевр. Они могут сосуществовать или вести каждый свою отдельную жизнь, смеяться друг над другом или сердиться, быть заодно или враждовать, быть единым существом, как сиамские близнецы, или быть независимыми и держаться друг от друга на расстоянии. Но случись между ними размолвка, и мне пришлось бы выбирать между ними, я не колеблясь встала бы на сторону Вкуса. В его компании я всегда чувствую себя спокойно и уверенно... Чего не скажешь об Искусстве – его общество самое ненадежное!

Да, Искусство – это одно, а Вкус – совсем другое дело. Искусство порой изменяет Вкусу, а тот может покорно снести любые оскорбления.

Вкус, в своем благородстве, очень часто помогает нам поверить в присутствие Искусства там, где его и в помине нет. Вкус может спасти сомнительную работу, зато Искусство, я думаю, не сможет извинить Вкус даже за небольшую ошибку.

Я видела скульптуры, исполненные силы и страсти, но их тривиальный сюжет вызывал у меня смущение и вселенскую тоску – верные симптомы недостатка вкуса.

Я видела картины, написанные изумительными красками с блестящего ракурса, но одна какая-нибудь деталь доставляла мне физическую боль.

Некоторые предметы мебели, созданные в стиле буль¹², считаются настоящими шедеврами, не имеющими цены, но ничто не может запретить мне думать и говорить, что они не соответствуют французскому вкусу, хотя в них заметно влияние китайского искусства, одного из самых тонких и изысканных, существовавших когда-либо. Резьба, покрывающая мебель, сразу вызывает в памяти перегородчатую эмаль и полихромный фарфор.

Как бы мне хотелось, чтобы в школах преподавали учителя, обладающие тонким вкусом, водили бы своих подопечных на пешеходные экскурсии в музеи, да и просто по улицам!

И однажды, на какой-нибудь выставке цветов, дети почувствуют волшебное притяжение цветовой гармонии, а в другой раз коллекция природных необработанных камней пробудит в них неземной восторг. Вандомская площадь навсегда поселит в них любовь к чистым и элегантным линиям, а египетская скульптура откроет им тайну внутренней силы строгости и целомудрия, присущей абстрактному искусству. А привитое с детства умение понимать красоту греческих драпировок удержит их от ошибок и поможет сохранить равновесие в любых жизненных ситуациях. Краски Моне¹³ добавят солнечного света, навсегда изгнав отвратительное пристрастие к мрачным тонам. Безыскусной белизны китайских изделий вполне достаточно, чтобы укоренить в детях, для их же блага, неприязнь к некачественному товару и чрезмерному украшательству.

Мне бы хотелось, чтобы дети, приклеившись носами к витринам, учились любить, ценить, распознавать. Что? Да все! От мебели до украшений, от фарфора до дамских сумочек, от цветов до ковров, от флакончиков для духов до картин. Мне хотелось бы, чтобы они спокойно, не впадая в крайность, учились познавать чистую радость, которую можно получить от красивой вещи, просто от сознания того, что такая вещь существует. Я хотела бы, чтобы они могли чувствовать ту необыкновенную легкость, какая появляется от созерцания красоты.

Нет никакой необходимости обладать этими вещами. Достаточно их увидеть, чтобы стать и богаче, и счастливее.

Я бы хотела, чтобы все невообразимо богатое наследие Вкуса, накапливаемое веками, было бы полностью отдано детям и они могли черпать из него, испытывая гордость за прошлое и настоящее, счастье любить и честолюбивое желание его приумножить.

Я хотела бы, чтобы дети все с младых ногтей знали, как читать карту страны Нежности и Вкуса, чтобы они учили необыкновенную географию без каких-либо границ и могли отправиться в чудесное путешествие в обетованную землю Вкуса. Там текут удивительные реки, вода в них то цвета розового кварца, то ляпис-лазурита, то нефрита, то бирюзы, а берега напоминают белоснежный китайский фарфор. На горизонте поднимаются к небу Тосканы высокие горы с долинами, полными всевозможных сокровищ, например Флоренция и ее музеи.

В роскошных садах цветут хрупкие и бессмертные цветы, увековеченные в саксонском фарфоре, а совсем рядом раскинулись зоологические сады Франкенштейна с совершенно безобидными, ласковыми чудищами.

¹² Мебельный декоративный стиль, названный по имени французского мастера XVII века Андре-Шарля Буля. Отличается богатой инкрустацией фасадов из латуни, золоченой бронзы, пластин из панциря черепаха, рога и т. п.

¹³ М о н е, Оскар Клод (1840–1926) – французский живописец, один из основоположников импрессионизма.

В самом центре лесов, изображенных на стенных гобеленах, резвятся грациозные животные, сошедшие со страниц сказок Лафонтена¹⁴. Здесь же можно увидеть китайские деревни Ватто¹⁵, а под изображениями домиков с колокольчиками увидеть подпись Гюйе¹⁶.

Выжженные солнцем до ярко-красного цвета равнины, по гладкости и переливам красок напоминающие горный хрусталь. Моря, глубиной цветов похожие на венецианские зеркала, и... захватывающее плавание по залам музея Питти!¹⁷ И для всего этого была бы одна столица – Париж.

¹⁴ Л а ф о н т е н, Жан де (1621–1695) – знаменитый французский баснописец.

¹⁵ В а т т о, Жан Антуан (1684–1721) – французский живописец и рисовальщик, основоположник и крупнейший мастер стиля рококо.

¹⁶ Г ю й е, Поль – французский художник середины XIX в.

¹⁷ Художественный музей во Флоренции, большую часть дворца занимает картинная галерея. Одна из самых значительных достопримечательностей Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.